

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

природа исторической реальности и масштаб рассмотрения

Для историков всегда актуальной была проблема квалификации той реальности, которую они изучают, ее природы и способов организации (регулирование, дирижирование). Без решения данной проблемы невозможно идентифицировать статус исторических штудий, определить их место в познавательной системе.

Согласно одной из версий, весь массив наук делится на три группы: математические, естественные и гуманитарные. Выдающийся физик, академик Л. Д. Ландау шутил по этому поводу, выделяя сверхъестественные, естественные и неестественные (гуманитарные) науки.

Различие между математическими и «нематематическими» науками осознается достаточно четко. Еще в 1910 г. в «Принципах математики» Б. Рассел и А. Уайтхед сформулировали вывод о сводимости математики к логике. Данный вывод не является на сегодня абсолютно господствующим. Существует, например, мнение, что математика вовсе не является наукой, а представляет собой специфический язык, которым могут пользоваться науки (естественные и гуманитарные). В любом случае для нас существенно то, что в отличие от математики «нематематические» науки имеют внеположенный объект, реальность, поддающуюся наблюдению и даже порой эксперименту.

Американский исследователь Г. Селье отметил существование двух типов познающих субъектов: унификаторы стремятся выявлять общие, универсальные черты, закономерности; диверсификаторы дробят познаваемую реальность на детали, стремясь описать ее мельчайшие элементы и тончайшие оттенки. Не отрицая ценности обоих познавательных процессов, многие специалисты все же признают в качестве условия научности лишь выявление общих черт, универсалий, организующих объект изучения. Памятуя об этом, попытаемся определить специфику реальности, которая познается гуманитарными, в первую очередь, историческими науками.

При первичном, банальном разграничении естественных (физика, химия, астрономия, биология, медицина и др.) и гуманитарных (философия, история, этнология, политология, филология, юриспруденция и др.) наук можно заметить, что первые изучают окружающую нас природу, а вторые — человеческое общество. Но при этом еще не называ-

ется та существенная специфика, которая отличает, допустим, предмет исследования исторической науки, также как и то общее, что роднит естественные и гуманитарные дисциплины.

Между тем, издавна отмечалась существенная методическая, процедурная специфика гуманитарных наук. Указывалось на нехарактерность для гуманитарных наук дедуктивных методов, которые со времен Платона и Аристотеля считались единственно доказательными или научными. Отмечалась некоторая расплывчатость существующих в гуманитарных науках критериев истинности (по сравнению, например, с физикой или химией). В конце XIX — начале XX в. В. Виндельбанд и Г. Риккерт, представители неокантианского направления в философии, в своей классификации, построенной в зависимости от метода, подхода к изучаемому объекту, провели четкую демаркационную линию между естественными и гуманитарными науками. Первые (номотетические — генерализирующие) преследуют цель открытия законов; вторые же (идиографические — индивидуализирующие) имеют целью описание единичного и неповторимого. «Первые учат тому, что повторяется, последние — тому, что было однажды»¹. Неокантианство, таким образом, признало уделом гуманитарных наук лишь диверсифицирующий познавательный процесс, фактически исключив их из обоймы «настоящих» наук.

Данная дихотомия живет и ныне, подчас разводя собственно историческую науку на *social sciences* (строгая наука, основанная на системно-структурном подходе и количественных методах) и *humanities* (традиционная бытописательная историография, не претендующая на открытие закономерностей и объяснение прошлого; цель ее — понимание истории).

Естественные науки имеют в качестве объекта исследования природу и естественные процессы, которые подчиняются естественным, объективным закономерностям. Целью естествознания и является реконструкция последних. Имеется ли что-либо аналогичное в гуманитарных, в первую очередь — в исторической, науках? Есть достаточно оснований для положительного ответа на этот вопрос.

Исторический процесс отчасти носит естественный характер, что обуславливается биологическими (отсюда биологическая необходимость — половая, возрастная, индивидно-наследственная), географическими, природно-климатическими, технологическими, производственными, институциональными, структурно-семиотическими и прочими составляющими, а также вероятностным характером равнодействующих сознательных (интенциональных) усилий, творящих историю субъектов. Последнее обстоятельство хорошо понимал великий писатель Л. Н. Толстой, оно было усвоено его философией истории и нашло отражение, в частности, в романе «Война и мир»:

«Для нас, потомков, — не историков, не увлеченных процессом

изыскания и потому с незатемненным здравым смыслом созерцающих событие, причины его представляются в неисчислимом количестве. Чем больше мы углубляемся в изыскание причин, тем больше нам их открывается, и всякая отдельно взятая причина или целый ряд причин представляются нам одинаково справедливыми сами по себе, и одинаково ложными по своей ничтожности в сравнении с громадностью события, и одинаково ложными по недействительности своей (без участия всех других совпавших причин) произвести совершившееся событие».

«Стало быть, причины эти все — миллиарды причин — совпали для того, чтобы произвести то, что было. И, следовательно, ничто не было исключительной причиной события, а событие должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться».

«Действия Наполеона и Александра, от слова которых зависело, казалось, чтобы событие совершилось или не совершилось, — были так же мало произвольны, как и действие каждого солдата, шедшего в поход по жребию или по набору. Это не могло быть иначе потому, что для того, чтобы воля Наполеона и Александра (тех людей, от которых, казалось, зависело событие) была исполнена, необходимо было совпадение бесчисленных обстоятельств, без одного из которых событие не могло бы совершиться. Необходимо было, чтобы миллионы людей, в руках которых была действительная сила, солдаты, которые стреляли, везли провиант и пушки, надо было, чтобы они согласились исполнить эту волю единичных и слабых людей и были приведены к этому бесчисленным количеством сложных, разнообразных причин.

Фатализм в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений (то есть тех, разумность которых мы не понимаем). Чем более мы стараемся разумно объяснить эти явления в истории, тем они становятся для нас неразумнее и непонятнее.

Каждый человек живет для себя, пользуется свободой для достижения своих личных целей и чувствует всем существом своим, что он может сейчас сделать или не сделать такое-то действие; но как скоро он сделает его, так действие это, совершенное в известный момент времени, становится невозвратимым и делается достоянием истории, в которой оно имеет не свободное, а predetermined значение.

Есть две стороны жизни в каждом человеке: жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлеченнее ее интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы.

Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей. Совершенный поступок невозвратим, и действие его, совпадая во времени с миллионами действий других людей, получает историческое значение. Чем выше стоит человек на общественной лестнице, чем с большими людьми он связан, тем больше власти он имеет на других людей, тем

очевиднее предопределенность и неизбежность каждого его поступка».

«История, то есть бессознательная, общая, роевая жизнь человечества, всякой минутой жизни царей пользуется для себя как орудием для своих целей».

Историческая же наука имеет в качестве одной из целей своего познания реконструкцию объективных, не зависящих от воли и сознания участвующих в историческом процессе индивидуумов, зависимостей (объективных регулятивов или объективных закономерностей). Их можно было бы назвать детерминантами, хотя обыкновенно стохастический характер истории делает такое наименование условным. К числу объективных регулятивов принадлежат разнообразные функциональные, причинно-следственные зависимости, отношения включенности, системности и т. д. Они варьируются в значительном диапазоне устойчивости-неустойчивости, детерминизма-вероятности. Они обеспечивают как стабильность исторической реальности, так и ее динамику и трансформации.

К числу объективных регулятивов можно, например, отнести внешние параметры и общие законы существования «массы», которые выводит известный австрийский писатель Э. Канетти в своей книге «Масса и власть»². Выдающийся русско-американский социолог XX в. П. А. Сорокин открывает существование «функциональной связи между колебанием кривой питания общества и варьированием его идеологии». Социолог утверждает: «Исследование поведения и идеологии отдельного индивида показывает, что «содержание сознания» последнего резко меняется при резких изменениях кривой количества и качества пищи, поступающей в его организм. Это изменение состоит в том, что при голоде идеология человека деформируется в направлении усиления и укрепления суждений, теорий, убеждений и верований, при данных условиях благоприятствующих, «одобряющих» применение мер, способных дать пищу, с одной стороны, с другой — в сторону ослабления и подавления речевых и субвокальных рефлексов, мешающих, препятствующих этому утолению. Грубо говоря, голод как бы вынимает из «сознания» человека одну пластинку с определенными ариями и вкладывает туда другую. В итоге человек-граммофон начинает петь, говорить или придумывать новые слова, песни, арии, или высказывать мысли, убеждения.

Раз так дело обстоит с отдельным человеком, то то же явление должно происходить и с идеологией массы лиц или целого агрегата, поставленного в те же условия резкого колебания кривой питания, в частности при переходе агрегата от сытости к голоду и обратно»³.

Известный польский экономист и историк Е. Топольский, раздумывая над типологически сходными и несходными процессами, протекавшими в Европе XVI в., выстроил систему причинно-следственных зависимостей, которая имеет следующую конфигурацию⁴.

«Кризис сеньориальных доходов» и «повышение социально-экономической активности горожан и крестьян» приводят к «повышению активности дворянства». Последняя переменная выступает в качестве фактора «рефеодализации». Одновременно «повышение социально-экономической активности горожан и крестьян», а также «повышение активности дворянства» могут в качестве следствия иметь «генезис капитализма». В данном случае мы также имеем дело с объективными регулятивами, которые организуют, выстраивают исторический процесс.

Объективный характер носит обнаруженная А. В. Чаяновым структурная пропорциональность сельскохозяйственного предприятия: «Однако в каких бы размерах хозяйство ни строилось, оно всегда имеет пропорциональность частей и известную закономерность их соотношения, свойственную каждой системе хозяйства, обусловленную технической целесообразностью и необходимостью. Всякое нарушение этой гармонии приводит к неизбежному и ощутимому понижению производительности затрат труда и капитала, так как выводит хозяйство из оптимального сочетания производственных факторов»⁵. Конкретизируя свои наблюдения применительно к предприятию, основанному на началах трудового семейного хозяйства, исследователь пришел к выводу, «что один из его элементов — рабочие силы оказываются фиксированными наличностью их в составе семьи». Поэтому обнаруженная А. В. Чаяновым объективная закономерность специфицировалась в отношении к трудовому хозяйству следующим образом: «Таким образом, в схеме гармонично развиваемых элементов трудового сельскохозяйственного предприятия данным является рабочая сила семьи и сообразно ей фиксируются в обычной между собой технической гармонии производственные элементы хозяйства. При свободе образования, необходимой площади землепользования и возможности иметь в своем распоряжении нужные средства производства крестьянские хозяйства слагаются сообразно оптимальной самоэксплуатации рабочих сил семьи в технически оптимальную по своим размерам и соотношению частей систему производственных факторов»⁶.

М. А. Барг по критерию «масштаб действия» сумел выделить три уровня исторических закономерностей — объективных регуляторов: 1) универсального (надрегионального) действия; 2) стадияльно-формационного; повторяемость ограничена пределами одного стадияльно-формационного региона; 3) сугубо регионального действия⁷.

Но историческая реальность не исчерпывается лишь объективными регулятивами. Способность человека подражать, действовать по образцам обуславливает появление закономерностей, которые являются исключительной спецификой исторической реальности, отсутствующей в физической реальности. Данные закономерности можно было бы назвать, как ни оксюморонно это звучит, субъективными

регулятивами.

Имеются в виду нормативы, возникающие субъективно в целях упорядочения социальной действительности путем организации определенных линий поведения и имеющие, соответственно, субъективную природу (К. Р. Поппер: «нормативное предположение о некоторой линии поведения или норме с целью принятия после последующей дискуссии и решение о принятии этой линии поведения или нормы создают эту линию поведения или норму»⁸). Это разнообразные, созданные человеком, регулятивные системы: нормативные предписания, социальные стереотипные ценностные установки, традиции, обычаи, образцы производственной деятельности, образцы поведения, речи, мышления и т. д., которые также властно вмешиваются в ход исторического процесса, дирижируя его, диктуя его конкретные шаги.

Импульс субъективной закономерности может задавать как вполне осознанное, планируемое, точно фиксируемое волеизъявление (например, в государственном законе, политике правительства), так и спонтанное, конвергентное, растянутое во времени рождение экземпляров поведения (например, традиция). Сфера и масштаб действия и последствия субъективных закономерностей могут быть различными. Одно дело — этикетная инструкция, определяющая правила поведения в быту. Ф. Бродель приводит в качестве примера указ по ландграфству Эльзасскому, уточняющий для молодых офицеров правила, которые должно соблюдать, когда они бывают приглашены к столу эрцгерцога: «являться чисто одетым, не приходить полупьяным, не пить после каждого куса, а перед тем, как пить, вытереть дочиста рот и усы, не облизывать пальцы, не плевать в свою тарелку, не сморкаться в скатерть, не пить слишком уж по-скотски...»⁹ Насколько существенную роль «субъективные регулятивы» играли в бытовом поведении российского дворянства, крестьянства XVIII—XIX вв., показано в исследованиях Ю. М. Лотмана, М. М. Громыко, Н. А. Миненко¹⁰.

Другое дело — субъективные регулятивы, принадлежавшие к производственной, социально-политической сфере, этике и т. д. Последствиями подобного рода регулятивов становились модернизации, реформы, политические и социально-экономические институты и т. д. Огромную роль играли субъективные регулятивы в организации производственной деятельности, в частности, российского крестьянства. В механизме формирования, передачи и охраны трудовых традиций существенное место занимали коллективные сельскохозяйственные работы; народный календарь; хозяйственная магия; приметы, пословицы, поговорки. Основными носителями агротрадиций являлись крестьянская община, семья, старики. Производственный опыт передавался не только посредством вербализированной коммуникации, но и визуальным путем, посредством показа («делай, как я») — от личности к личности. Как показала

М. М. Громыко, сам процесс сельскохозяйственного производства был невозможен без упорядочения его посредством агротрадиций в XVIII—XIX вв.¹¹.

Поскольку субъективные регулятивы по определению носят субъективный характер — они суть некоторые правила, которые должно соблюдать, но можно и нарушать (Д. В. Деопик: «... нормативные источники (законы, положения о званиях и прочее) ориентированы на должное, а не на существующее. Они всегда — обобщение, основывающееся как на обобщенном описании реальности, так и на плане ее систематизации в будущем с определенной целью. Оба обстоятельства приводят к несоответствию многих положений «нормы» (представленной соответствующим обобщающим источником) и «практики» (представленной текущей документацией)»¹²), — постольку можно говорить о разных типах соотношения между нормативными системами и исторической действительностью. Возможно алегальное, нестандартное поведение. Возможны индивидуальные стереотипы, окказиональное нестереотипное поведение.

Юридический норматив обыкновенно неполно отражает реальную историческую жизнь¹³. Между нормой и реальной жизнью могут существовать довольно независимые отношения, если закон «не работает», если историческая практика обгоняет архаичные юридические устои¹⁴. Так, на протяжении XVIII в. выделяют три модуса взаимоотношений между юридической нормой (метатекстом) и бытовой реальностью (текстом): 1) система Петра I (повседневное течение жизни рассматривается как неправильное, ущербное; норма активно направлена в сферу практики, которую и должно переустроить в соответствие с этой нормой); 2) система Екатерины II (самостоятельное, независимое развитие сфер метатекста и текстов); 3) система Павла I (вновь сфера норм активно направлена на сферу практики; при этом последняя совершенно игнорируется)¹⁵.

Существенную помощь в изучении субъективных закономерностей может оказать теория «нормативных систем и социальных эстафет» московского философа М. А. Розова. К основным положениям теории относятся системы экземпляров поведения (образцы производственной деятельности, образцы поведения, речи, мышления) и механизмы экзemplификации (копирования, воспроизведения этих образцов). «Образец, — отмечает М. А. Розов, — это всегда нечто непосредственно данное, наблюдаемое, нечто такое, что можно продемонстрировать. Воспроизведение образцов, их «передача» от человека к человеку, от поколения к поколению и образует эстафету, в рамках которой предшествующие акты деятельности или поведения определяют, нормируют акты последующие. ... Социальные эстафеты очень напоминают так называемые автоволны, т. е. волны в активных средах, в средах с распределенными за-

пасами энергии. Автоволна — это самоподдерживающийся сигнал, распространяющийся как бы по эстафете и заново воспроизводящийся в каждой последующей точке среды. ... Термин «эстафета» ориентирует на процессуальность, на воспроизведение некоторого состояния во времени. «Нормативная система» — это, наоборот, фиксация статики, фиксация синхронного среза». Под нормативными системами, таким образом, М. А. Розов понимает нечто гораздо большее, нежели мы под рассмотренными выше субъективными регулятивами: любая акция человека в обществе выступает как актуальный или потенциальный образец, как норматив, который может порождать или порождает последующие реализации. Существенный момент теории — механизм трансляции, распространения нормативов, который имеет подобие волны и связан со способностью человека действовать по образцам¹⁶.

Как объективные, так и субъективные регулятивы выполняют во многом схожие функции. Во-первых, это поддержание некоторого социального гомеостазиса (объективные регулятивы), социальной упорядоченности (субъективные регулятивы). Во-вторых, обеспечение трансформаций, социальных переходов, изменений. Субъективные регулятивы выполняют еще одну функцию — адаптации к среде, — аналог которой, пожалуй, невозможно подобрать в наборе функций, обслуживаемых объективными регулятивами. Механизмы же функционирования рассматриваемых регулятивов носят различный характер. Если первые действуют структурно и кумулятивно (переход количества в качество), то вторые функционируют эстафетно.

Соотношение между объективными и субъективными нормативами в истории, возможно, напоминает соотношение между законами и правилами в языкознании: 1) законы объективны, неконвенциальны, т. е. не зависят от воли индивида или общества; правила субъективны, зависят от установки (воли) общества; 2) законы ненарушимы: носители языка подчиняются им бессознательно; правила не должны, но могут нарушаться и нарушаются носителями языка; 3) служба слежения за выполнением языковых законов — нелепость; служба слежения за выполнением правил языка необходима и существует во всех обществах; 4) законы подлежат открытию в теоретическом языкознании (пока не познаны — они «вещь в себе»); правила подлежат формулированию и внедрению в практику¹⁷.

Дихотомия описанных регуляторов относительна. Обыкновенно объективные факторы реализуются не непосредственно, а через опосредование сферой человеческого сознания («фильтры сознания», «менталитет», «парадигма», «картина мира», «идеология»...). Известный историк-медиевист А. Я. Гуревич писал по этому поводу: «Причинность в истории не аналогична причинности в природе: не всякое действие однозначно вызывает всякий раз одно и то же следствие и связь отдален-

ных материальных причин с человеческими поступками, индивидуальными и коллективными, столь сложно опосредована всем строем цивилизации, особенностями сознания и мировосприятия людей, которые выступают в качестве субъектов исторической деятельности, что без исследования этого мировосприятия и связанного с ним социального поведения исторические факты остаются как бы безжизненными — это факты «социальной физики», но не исторически конкретные деяния людей, обладающих чувствами, сознанием, создающими свою конкретную картину мира»¹⁸. Но посредником может выступать и подсознание (ситуация «необдуманного» действия, дающего сбой модели рационального объяснения У. Дрея¹⁹). Объективные факторы могут существовать и действовать вообще независимо от человеческого сознания. Поэтому даже следующая схематическая цепочка (объективные факторы, «картины мира», человеческое поведение) не абсолютна.

С другой стороны, механизмы мотивации, целеполагания нередко имеют какую-либо объективную подкладку, подоплеку. Но опять же — это не непереносимое и не обязательное условие. Можно привести огромное количество примеров совершенно независимых, перпендикулярных отношений между объективными и субъективными регулятивами.

А. Я. Гуревич, ссылаясь на наблюдения М. Блока и Ж. Дюби, отмечал, что в Европе раннего средневековья при хронических неурожаях и голоде, при производительных силах, деградировавших по сравнению с позднеримской эпохой, рыцари и знать нередко позволяли себе безудержное и иррациональное расточительство, без счета истребляя ценности (засеяв поля монетами, сжигая свои конюшни вместе с дорогостоящими лошадьми и т. п.). Единственной целью этих трат, совершенно противоречащих экономической (объективной) законосообразности, было продемонстрировать своему окружению собственную щедрость и широту²⁰.

Немало примеров совершенно автономного функционирования субъективных регулятивов являет история социалистического переустройства общества.

Любопытный пример разнонаправленности объективных и субъективных регулятивов приводил знаток Уральского казачьего войска Н. А. Бородин. Первые опыты использования казаками-богатеями сенокосилок не всегда были удачными (1870-е годы). Дело в том, что в Уральском войске практиковался своеобразный способ покоса «ударом». Название это перешло к сенокосу от речных рыболовств, в которых практикуется тот же прием одновременного начала производства промысла для громадной массы участников, что собственно и носит характерное и вполне подходящее название: «удар». Естественно, что использование отдельными казаками сенокосилок ставило их в гораздо более выгодное положение по сравнению с основной массой казачества. В этой ситуации войсковое хозяйственное правление запретило использование сенокоси-

лок, конфисковало у одного, успевшего уже накопить до 200 стогов, все «неправильно накошенное сено». Н. Бородин замечал по данному поводу: «Здесь, стало быть, мы встречаем любопытный пример столкновения общинного владения с введением в употребление усовершенствованных орудий производства: община является здесь регрессивной с технической стороны, но такое направление обуславливается соблюдением выгод большинства общинников»²¹. Итак, вновь пример разновекторного функционирования объективной законосообразности и субъективного регулятива (в данном случае нормы обычного права). Вскоре, однако, общинные порядки уступили техническому прогрессу.

Но даже в условиях согласия между объективными и субъективными регуляторами от сведения последних к первым предохраняет достаточно емкий потенциал субъективной свободы — свободы выбора.

Констатация наличия объективных и субъективных закономерностей в исторической реальности еще не исчерпывает природы последней и не замыкает рамки познавательных запросов гуманитаря. Дело в том, что субъекты исторического процесса, наделенные свободой воли, сознанием, рассудком, имеют определенную свободу выбора, конечно же, не безграничную. Как эта свобода выбора осуществляется — это одна из центральных проблем для современной исторической науки. Имеется в виду вечное противоречие между социальными структурами (экономическими, социальными, политическими, институциональными, культурными, ментальными и т. д.) и субъектами истории, наделенными волей и свободой выбора, между детерминизмом и человеческими возможностями выходить за рамки установленных прошлым ограничений. Суть проблемы, иначе говоря, заключается в объяснении того, как социальные субъекты («акторы»), сформировавшиеся в социальных структурах прошлого, приобретают способность выстраивать новые формы социальной организации и социальных отношений. Попытки решения данной проблемы связаны с поисками возможностей эксплуатации непоследовательностей, несвязностей социальных, политических и других систем²². Одним из следствий присущей человечеству возможности становятся особые, уникальные случаи, необычные тексты, которые, например, объемлют наиболее совершенные творения культуры. Пройти мимо них, не уделив им внимания, было бы непростительным легкомыслием. Изучать эти уникальные явления лишь с точки зрения поиска в них готового, нормативного, общего с другими текстами — значило бы серьезно обеднить как историческое прошлое, так и результаты наших исследований.

На наш взгляд, наиболее четко подход к изучению уникальных явлений, культурных шедевров был сформулирован Л. М. Баткиным: «Итак, предметом культурологического исследования, как я разумею и отстаиваю, служит событие текста, случившегося лишь здесь и сейчас, лишь

однажды. Причем, я пытаюсь пользоваться не выборками из возможно большего числа текстов (что при изучении коллективной средневековой умонастроенности необходимо), а сосредоточиться на вот этом единственном произведении, находя эпохальный контекст свернутым внутри него. Хотелось бы понять, что происходит под пером Элоизы (монахиня, корреспондентка философа П. Абеляра — И. П.), допустим, с риторическими формулами или с намеками на библейскую «Песнь Песней»: ведь неповторимость возникает отнюдь не в отщепленности от общей духовной ситуации. Напротив, неповторимость Элоизы, возможно, и объяснима лишь в тесной сопряженности с принятыми в ее времена способами думать и вести себя. Однако сознание в качестве культурного, то есть истинно субъектного, не просто погружено в современное ему мировосприятие, но трудится над ним и его преобразует. Исторически сложившиеся (для каждого живущего в данную эпоху человека) ценностные установки и словесные формы служат опорой для проявления индивидуальности Элоизы, оформления ее душевного опыта, вне такой почвы безъязыкого и лишнего смысла. Одновременно сама культура переосмысляет, обновляет свою глубинную логику. Все индивидуальное, кристаллизуясь из общего умственного раствора, в своем отношении к эпохе являет некий логически предельный случай. В этом-то состоит его познавательное значение. ...

Итак, мы рассматриваем текст как порождающий, а не воспроизводящий смысловое содержание. Средневековая «картина мира», о которой говорит А. Я. Гуревич, не только с этой точки зрения детерминирует «я», она переворачивается внутри него: происходит словно бы вспышка вольтовой дуги между нормой и казусом, и это ключ к ним обоим. Предмет такого исследования — всегда сдвиг сознания, который торжествует над стабильной и даже вековой заданностью»²³.

Примером тонкого анализа «сдвига сознания», о котором пишет Л. М. Баткин, взаимодействия нормы и казуса является попытка реконструкции системы «политического богословия» Ивана IV, предпринятая А. М. Панченко и Б. А. Успенским. Страшная концепция Грозного, оправдывавшая опричный террор, артикулировалась из мыслительного материала средневековья, но не сводилась к нему. Причудливый конструкт отмечают авторы, «порождение средневекового сознания, тот конечный логический вывод, который мог быть сделан чисто спекулятивным путем. Грозный не посягает на извечный порядок, он посягает на особое место в этом порядке»²⁴.

Итак, историка-исследователя интересуют объективные и субъективные регулятивы, организующие историческую действительность, а также взаимодействие нормативных систем и случая, порождающего единичные, уникальные тексты и окказиональные поступки. Разнородная природа исторической реальности требует применения различных ис-

следовательских процедур: от достаточно жестких количественных методов²⁵ до диалогического понимания в бахтинском смысле. «Исследователь-гуманитарий не буквалист. Он хочет понять не столько то, что сказал автор, сколько то, что он хотел сказать; необходимо встретиться с автором — человеком, манифестирующим себя в тексте. Если я не слышу несказанное, не вижу невидимое — мысль, желание, стремление, замысел, одухотворяющие текст, то я не только автора, но и текст-то не понимаю. Ведь текст призван не только что-то сказать, но и что-то утаить, дать между строк (если ты мудр, то поймешь, уловишь эту «неизреченную» мысль — она одна не есть ложь).

Но это неизреченное я могу только понять... И — понять только в тексте. Или — в текстах. Я начинаю соотносить этот текст с множеством других, раскрывающих его глубинный смысл, — ведь он всегда на что-то отвечает, что-то переосмысливает, что-то передразнивает, пародирует, что-то (какой-то текст) продолжает, от какого-то текста отталкивается. Текст разрастается диалогизирующими (с ним) текстами, втягивает в себя бесконечный — в века — контекст, становится полифоническим. И — в этом смысле (бесконечно изменяя и углубляя свои смыслы) — понимается. То есть — понимается уже не как этот текст и именно поэтому (на границе диалогизирующих речей) понимается по-настоящему»²⁶. Демаркация между «жесткими» и «мягкими» методами не совпадает с границей между стандартной поведенческой практикой и мировоззрением и творчеством. При изучении последних могут использоваться и формальные методы; предпринимаются, например, попытки построения формальных моделей мышления индивидуальных исторических деятелей²⁷.

Актуальной исследовательской проблемой является изучение характера «взаимодействия» между объективными и субъективными регулятивами. Необходимо показать, в какой степени те и другие способны «уживаться», какие пропорции и какое распределение разнородных регуляторов по сферам исторической реальности позволяет достичь их симфонии. При этом, естественно, необходимо показать эволюцию такого распределения в ходе действительной истории. Трудности подобного исследования очевидны.

Можно привести следующий пример. В литературе высказаны различные точки зрения по поводу характера законов, по которым функционировало крестьянское хозяйство. В марксистской экономической и исторической литературе, а также в исследованиях представителей «политэкономического» направления в современном западном крестьяноведении представлено мнение о том, что крестьянское хозяйство в своем функционировании подчинялось закону стоимости (объективный регулятив). Дж. Скотт, автор концепции «моральной экономики» крестьянского хозяйства, считает, что последнее руководствуется «морально-

экономическим принципом» выживания²⁸ (субъективный регулятив). «Моральные» категории — следствие «антропологичности» крестьянского хозяйства, — дирижируют жизнедеятельность последнего, по мнению А. В. Гордона (также — субъективные регулятивы)²⁹. Наконец, представители организационно-производственного направления доказывали, что крестьянское хозяйство руководствуется потребительской мотивацией (также скорее — субъективные регулятивы)³⁰.

Очевидно, что в процессе исследования соотношения объективных и субъективных регулятивов придется выделять этапы превалирования тех или других в зависимости от времени и места, показывать, как модифицировались объективные регулятивы в условиях жесткого прессинга субъективных регуляторов. Необходимо также показать, как в историческом времени объективные и субъективные регулятивы распределялись по различным уровням и историческим (региональным, временным, локальным, отраслевым, институциональным и пр.) нишам.

Взаимодействие гетерогенных регулятивов значимо для периодов созревания и исчерпания альтернативных ситуаций. При этом внимание исследователя приковывает целый веер проблем: 1) конфигурация условий и регулятивов, создающих ситуацию альтернативности; степень ее обеспеченности объективной и субъективной подоплекой (и естественно — соотношение); 2) характер разрешения альтернативной ситуации — консервация; мирное реформирование; радикальное решение; 3) коммутации регулятивов в результате разрешения альтернативной ситуации; адаптация традиций к новой обстановке.

Естественно, что в условиях серьезных исторических трансформаций возрастает роль отдельных исторических личностей, расширяется пространство взаимодействия нормы и случая (третий существенный компонент исторической реальности, на который было обращено внимание). Без исследования подобного взаимодействия исторический опыт выглядел бы слишком нормативным и нежизненным.

Существенное влияние на результаты исторического познания оказывает масштаб рассмотрения объекта. Важно подчеркнуть, что смена фокуса означает не просто увеличение или уменьшение размера изображаемого объекта, но изменение его вида и фона. Данное наблюдение относится к числу базовых в рамках микроисторического направления, выросшего в 1970-е годы из комплекса вопросов и идей, высказанных небольшой группой итальянских историков, объединенных общим делом³¹. Как пишет Ж. Ревель, «если прибегнуть к аналогии, в картографии при изменении масштаба изображения мы получаем не ту же самую реальность более крупным или более мелким планом, но другую по содержанию реальность, ибо происходит выбор того, что изображается. Следует подчеркнуть, что наименьший не дает никаких особых преимуществ. Важен именно принцип изменения, а не то, какой масштаб вы-

бирается». Если данное наблюдение справедливо, то историку необходимо избавиться от преклонения перед изображениями большого исторического масштаба. Они, отнюдь, не вбирают в себя то, что можно открыть, изучая менее масштабные процессы и явления. И, наоборот, сумма результатов, полученных на основе анализа микроисторических объектов, не равняется результату анализа их совокупности. В случае изучения исторических объектов различного масштаба мы просто получаем различные результаты, которые не сводимы друг к другу и не выводимы друг из друга. Поэтому невозможно выстраивать иерархию уровней рассмотрения по значимости.

Сказанное можно пояснить следующим примером. Историческое событие можно описать и проанализировать, применяя различные масштабы. Возьмем в качестве примера Бородинское сражение. Обычный исторический анализ предполагает использование достаточно мелкого плана. Историк рассматривает событие как бы с некоторой высоты. Он выясняет планы и ресурсы сторон перед сражением, дислокации противников. Сражение под пером историка выглядит как планомерное и логичное действие: полководцы реализуют свои планы, реагируют на действия своего противника. Оцениваются действия войск, потери, значение сражения для каждой из сторон (например, см.: Гарнич Н. Ф. 1812 год. М., 1952. С. 61—134). Совсем иную картину мы получим, если посмотрим на событие крупным планом, изменим масштаб измерения. В романе «Война и мир» Л. Н. Толстой посмотрел на Бородинское сражение глазами «очевидца», сугубо штатского человека, графа П. Безухова. В этой картине (а это, несомненно, тоже видение события) присутствуют совсем другие приоритеты и детали, нежели в картине, рисуемой историком.

«Пьер замечал, как после каждого попавшего ядра, после каждой потери все более и более разгоралось общее оживление.

Как из придвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, светлее и светлее вспыхивали на лицах всех этих людей (как бы в отпор совершающегося) молнии скрытого, разгорающегося огня.

Пьер не смотрел вперед на поле сражения и не интересовался знать о том, что там делалось: он весь был поглощен в созерцание этого, все более и более разгорающегося огня, который точно так же (он чувствовал) разгорался и в его душе.

В десять часов пехотные солдаты, бывшие впереди батареи в кустах и по речке Каменке, отступили. С батареи видно было, как они пробежали назад мимо нее, неся на ружьях раненых...»

Проблема масштаба изображения постоянно стоит перед историком. Причем в идеале процессы или явления должны изучаться в различном масштабном измерении с последующим сопоставлением полученных изображений, которые будут дополнять друг друга.

В исторических исследованиях широко исследуются процессы социальной дифференциации крестьянства, которые обычно объясняются генезисом капитализма, развитием товарно-денежных отношений. Однако, если мы берем более конкретную деревню и конкретное время, то оказывается, что на социальную стратификацию действовало множество факторов, да и сами процессы не отличались однозначностью и однонаправленностью.

Так, исследователи единодушно признают наличие имущественного неравенства и социального расслоения в уральской и алтайской деревне XVIII — первой половины XIX в. При этом отмечается интенсификация во времени этих процессов, достигших существенного масштаба в первой половине XIX в. Не отрицается влияние горнозаводского производства на социальную дифференциацию в аграрном окружении.

Но процессы дифференциации были следствием действия сложной системы факторов. Во-первых, аграрная среда изучаемых регионов находилась в орбите действия не только горнозаводской промышленности, но и других факторов, которые могли как ускорять, так и замедлять указанные процессы: налогово-фискальная и сословная политика государства; развитие городов, коммуникаций, местных и региональных рынков; совершенствование агрикультуры, имманентный прогресс сельского хозяйства и т. д. Во-вторых, воздействие промышленных центров на социальную структуру деревни во многом опосредовалось фактором пространства, расстояния между заводами и рудниками и крестьянскими селениями. Особенно жестко это опосредование осуществлялось применительно к приписной деревне, население которой принудительно интегрировалось в промышленное производство. Под воздействием заводских центров происходила дифференциация крестьянства в пространственном аспекте, социальная эволюция крестьянских хозяйств приобретала региональные и локальные особенности. Селения, расположенные недалеко от заводов, скорее выигрывали от такого соседства, получая возможности для сбыта собственной продукции, дополнительных заработков. Иным было положение селений, расположенных на расстоянии 150—300 и более верст от заводов. Для большинства этих крестьян главным источником существования оставалось сельское хозяйство, а отрыв от него для выполнения заводских отработок наносил ощутимый урон их бюджету, а порой был просто разорительным. Таким образом, социальная дифференциация деревни под воздействием заводских центров получала пространственную специфику. В-третьих, горнозаводское производство оказывало заметное воздействие на внутриобщинную дифференциацию крестьянства. Однако это влияние носило сложный, неоднозначный, разноректорный характер. Предъявляя спрос на продукцию аграрного производства, промыслов, на свободные рабочие руки, уральская и алтайская промышленность, несом-

ненно, содействовала росту товарности крестьянского хозяйства, его диверсификации; социальной поляризации деревни. Принудительная интеграция деревни в горнозаводское производство, приводившая к усилению пресса внеэкономического принуждения, также ускоряла процессы дифференциации, однако, преимущественно в форме расширения прослойки сельской бедноты.

Углублению социальной дифференциации приписной деревни способствовала система «мирского» расклада повинностей. Требования горнозаводских властей Урала и Западной Сибири раскладывать заводские повинности «как можно уравнильнее», не отягощая одних в противовес другим, раскладывать повинности «по состоянию» (зажиточности) и «по занятию» (с учетом запашки, торговых и других промыслов) зачастую не соблюдались.

Однако в изучаемый период действовали факторы, не только ускорявшие, но и тормозившие социальную дифференциацию деревни. Так, аграрная политика правительства была направлена на сохранение стабильности приписной деревни и способности крестьянского хозяйства обеспечить выполнение необходимого объема работ на заводах. Подобная «попечительская» роль управленческих структур выражалась в регулярном вмешательстве в хозяйственную жизнь общины, в осуществлении перераспределения земельных угодий в пользу тех дворов, которые выставляли работников, в изъятии отданных в залог бедняками земель и возвращении их старым владельцам, в требованиях горнозаводским начальством покупки за счет мирских средств достаточного количества лошадей для исправного выполнения конных работ сельчанами, в снабжении из этих же мирских сумм неимущих семенами и скотом.

Нивелировке деревни в определенной степени содействовала и получившая широкое распространение на Урале и в Западной Сибири практика наборов постоянных заводских кадров из приписных крестьян «в счет рекрутов». Дело в том, что при проведении подобных наборов забирали преимущественно таких, «которые пашен и постоянных крестьянских домов и пожитков не имеют, слоняются по степям и озерам, к хлебопашенству и домоводству не радеют». Зажиточные крестьяне предпочитали откупаться от службы, нанимая рекрутов вместо себя.

Итак, становление горнозаводской промышленности сопровождалось изменениями в структуре местного крестьянства. Промышленные центры оказывали влияние на процессы социальной дифференциации крестьянства, однако механизмы этого воздействия были сложными и разновекторными. И если мы станем изучать отдельные селения, то степени охвата данными процессами этих селений окажутся существенно разнящимися.

Многоаспектного и многоуровневого изучения требуют процессы модернизации, перехода от традиционного к современному обществу.

Модернизация — комплексный процесс. Она захватывает различные сферы общественной жизни — экономическую, социальную, политико-правовую, культурную, однако, в разной степени. Хотя изменения в этих сферах связаны между собой и коррелируют друг с другом, но уровни и характеры взаимосвязей могут варьировать в широком диапазоне. Процессы модернизации приобретали удивительное своеобразие и неповторимость в зависимости от времени и места: геополитического положения региона, его исторического наследия, уровня социально-экономического, политического и культурного развития, национального менталитета и т. д. Это особенно значимо для России, огромной страны, которая всегда характеризовалась существенной вариацией исторической динамики составляющих ее регионов и социокультурных ниш. Предварительный анализ позволяет утверждать, что даже в пределах одной страны и одного региона ритмы subprocessов не совпадали. модернизация протекала неравномерно, в различной степени охватывая экономические и социальные фрагменты общества, территориальные единицы. Это обычно приводило к серьезным противоречиям и конфликтам между отраслями производства, социальными слоями, территориальными сообществами и, конечно же, накладывало отпечаток на характер модернизации в целом и на ее темпы, в частности. Без основательного изучения пространственных характеристик невозможно получить целостного и истинного представления о модернизационном процессе.

Анализ на региональном уровне позволяет рассмотреть институциональный и социокультурный контекст модернизации: воздействие институциональных перемен и социокультурных моделей на долгосрочные тенденции развития (экономический рост, индустриализация, урбанизация, накопление капитала, человеческих и социальных ресурсов). Внутрирегиональный уровень позволяет обратить внимание на характер взаимодействия между секторами экономики и общества в процессе модернизации. Наконец, невозможно составить завершеного исследования без низкоуровневого анализа типов и функций учреждений (в том числе, промышленных предприятий), управленческих и предпринимательских стратегий, организации производства и труда, технологического развития.

¹ См.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911; Виндельбанд В. История и естествознание // Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904.

² Канетти Элиас. Человек нашего времени. М., 1990. С. 392—443.

³ Сорокин П. А. Голод и идеология // Квинтэссенция. Философский альманах. М., 1990. С. 371—413.

⁴ Топольский Е. Рефеодализация в экономике крупных землевладений в Центральной и Восточной Европе. М., 1970.

- ⁵ Чаинов А. В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 254—255.
- ⁶ Там же. С. 255—256.
- ⁷ Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 174—204.
- ⁸ Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 399.
- ⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 1986. Т. I. С. 224.
- ¹⁰ Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975; его же. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Уч. зап. Тартусского ун-та. Тарту, 1977. Т. 411. № 8. С. 65—89; Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Миненко Н. А., Рабцевич В. В. Право и обычай в крестьянской семье (Урал и Сибирь в XVIII—XIX веках). Челябинск, 1998.
- ¹¹ Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; ее же. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография. 1984. № 5. С. 72; ее же. Проблемы, методы и источники исследования этических традиций восточных славян (XVIII—XIX вв.) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 113.
- ¹² Деопик Д. В. Типы социальной терминологии хмеров (VI—XIII вв.) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 105. В философском плане асимметрию нормативов и фактов рассматривает К. Р. Поппер (Поппер К. Р. Указ. соч. С. 398—413).
- ¹³ См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 418—422.
- ¹⁴ Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 135.
- ¹⁵ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. К семиотической типологии русской культуры XVIII в. // Материалы научной конференции (1973 г.). Художественная культура XVIII в. М., 1974. С. 266—272.
- ¹⁶ Розов М. А. Методологические особенности гуманитарного познания // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск, 1986. С. 33—54.
- ¹⁷ Черемисина М. И. Законы и правила в языкознании // Методологические и философские проблемы языкознания и литературы. Новосибирск, 1984. С. 9—21.
- ¹⁸ Гуревич А. Я. «Новая историческая наука» во Франции: достижения и трудности (критические заметки медиэвиста) // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1985. С. 122.
- ¹⁹ См.: Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М., 1977. С. 37—72; Гемпель К. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // Там же. С. 83—93.
- ²⁰ Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 123.
- ²¹ Бородин Н. А. Уральское казачье войско. Уральск, 1891. Т. I. С. 304—305, 307—308.
- ²² See: Burke P. New Perspectives on Historical Writing. Cambridge, 1993. P. 233—248.
- ²³ Баткин Л. М. Об уникальном в истории культуры // Наука и жизнь. 1987. № 9. С. 61—62; его же. Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии. 1986. № 12. С. 104—115.
- ²⁴ Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. XXXVII. С. 78; Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. Диалог. Л., 1990. С. 81—89.
- ²⁵ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Бородин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986; Славко Т. И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях.

ях. М., 1981; Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984.

²⁶ См.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979; его же. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975; его же. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972; Библер В. С. Диалог. Сознание. Культура (идея культуры в работах М. М. Бахтина) // Одиссей. Человек в истории. М., 1989. С. 21—59.

²⁷ Например, см.: Луков В. Б., Сергеев В. М. Опыт моделирования мышления исторических деятелей: Отто фон Бисмарк, 1866—1876 гг. // Вопросы кибернетики. Логика рассуждений и ее моделирование. М., 1983. С. 148—160.

²⁸ См.: Фурсов А. И. Концепция «моральной экономики» крестьянина и ее критика // Народы Азии и Африки. 1984. № 2. С. 156—170.

²⁹ Гордон А. В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989. С. 134—157.

³⁰ См.: Чайнов А. В. Указ, соч. С. 232—282.

³¹ См.: Ревель Жак. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 110—127; Levi G. On Microhistory // New Perspectives on Historical Writing. Ed. by P. Burke. Cambridge, 1993. P. 93—113.